
СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА К. МАРКСА

Филатов Илья Владимирович – к.э.н., доцент экономического факультета МГУ.

Четвертый том «Капитала» - «Теории прибавочной стоимости» - впервые был опубликован столетие назад, в 1905-1910 гг.¹ До сих пор это незавершенное

произведение К. Маркса, написанное в период 1861-1863 гг., может считаться важным источником для изучающих историю классической политической экономии по оригинальным текстам крупных мыслителей. В этом отношении с «Теориями» иногда сопоставляется другой обширный и также незаконченный труд – «История экономического анализа» Й. Шумпетера². Поскольку работа Шумпетера в западных университетах и после перевода на русский язык у нас в стране довольно широко используется в преподавании, было бы важным в общих чертах критически посмотреть на подобное сопоставление.

Мы попытаемся здесь кратко показать основные методологические особенности исторического труда Маркса и значение «Теорий прибавочной стоимости» для современной науки и экономического образования.

1. Реализация методологической идеи единства исторического и логического в «Теориях прибавочной стоимости»

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс осуществил большую работу не просто по сбору и обобщению исторического материала, показывающего эволюцию предшествующих теорий стоимости, капитала и прибыли, но он построил собственно *теорию истории науки*, показав логику развития политической экономии на основе методологического принципа *единства исторического и логического*. Можно сказать, что в «Теориях» в рабочем виде представлена реализация данного принципа, поскольку несмотря на незаконченность произведения, изложение Маркса строится

¹ Theorien über den Mehrwert: Aus dem nachgelassenen Manuskript «Zur Kritik der politischen Ökonomie». Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart, 1905-1910. С очень небольшим перерывом после выхода первого немецкого издания появились русские переводы вводных глав «Теорий» под редакцией Г.В. Плеханова (1906), В.Я. Железнова (1906) и П.Л. Тучапского (1907). Более или менее полные переводы рукописи относятся к 1923-1924 и 1931 гг. В двадцатые годы появились также систематические комментарии и попытки интерпретации «Теорий», среди которых особенно нужно отметить «Изложение теорий прибавочной стоимости» Г. Кунова (пер. с нем. 1923) и «Очерки по теории стоимости Маркса» И.И. Рубина (1928).

² Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. СПб., 2001.

именно на основе концептуального, а не описательного (что характерно для многих и прошлых и современных исследований истории мысли) анализа.

Историческая эволюция политической экономии интересует Маркса, прежде всего, с точки зрения последовательного развития научного метода (а также его «регресса» у представителей рикардианской школы). В этом отношении содержательно основная логика «Теорий» такова: анализ метода Ф. Кенэ (гл. 2, 6, прил. 8), теория стоимости и распределения А. Смита (гл. 3-4), теория издержек производства А. Смита и Д. Рикардо (гл. 10), дифференциальный подход в теории ренты (гл. 11-13), теория прибыли Рикардо (гл. 15, 16), построение оригинальной теории кризисов (гл. 17)³, первый в истории мысли анализ так называемого «эффекта Рикардо» (гл. 18). Такой подход Маркса позволил показать переход от научной политической экономии к ее «вульгарным», упрощенным и идеологизированным версиям. В целом анализу метода Кенэ, Смита и Рикардо посвящено более половины рукописи. Критике «рикардинской школы» отведена, по сути, вся заключительная часть – 1/3 произведения.

С точки зрения такого понимания логики развития метода политической экономии совершенно оправдана критика в отечественной историографии первого издателя и редактора «Теорий прибавочной стоимости» К. Каутского, выбравшего элементарный хронологический подход к расположению частей рукописи, который использовался и в ряде последующих переизданий, в том числе в первых русских переводах. В результате была нарушена, например, логическая последовательность анализа теорий воспроизводства А. Смита и Ф. Кенэ, где Маркс показал, что в вопросе об обращении капитала Смит теоретически уступает Кенэ⁴. Не случайно, поэтому, в оригинальной структуре рукописи общий анализ физиократов предшествует Смиту, а метод «Экономической таблицы» обсуждается в главе 6 и приложении 8 после кри-

³ Согласно теории кризисов Маркса, часть капитальной стоимости находится в форме свидетельств на получение в будущем прибавочной стоимости - это различные долговые обязательства, выполняющие функцию средств платежа. Со снижением прибыли эти долговые обязательства обесцениваются. При этом часть наличного золота и серебра лежит без движения, не функционирует как капитал. В результате происходит падение цен, что ведет, в свою очередь, к снижению стоимости элементов основного капитала – материальной основы кризисов. Процесс воспроизводства капитала приостанавливается и приходит в расстройство, сопровождаясь потрясениями кредитной системы.

⁴ Известно, что Адам Смит, давший в целом верную характеристику физиократического движения в исторической части «Богатства народов» (Кн. IV «О системах политической экономии», гл. IX «О земледельческих системах...»), недооценил значение «Экономической таблицы» для построения теории воспроизводства.

тики теории стоимости Смита. Авторская структура «Теорий» была восстановлена спустя пятьдесят лет после публикации рукописи на языке оригинала⁵.

Здесь нужно также отметить следующую в методологическом отношении немаловажную особенность развития классической политической экономии. Рикардо в первых главах «Начал политической экономии и налогового обложения» и Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» первыми отметили проблему неоднозначности (и ошибочности) ряда теоретических положений А. Смита. Данная особенность творчества Смита послужила тому, что «Богатство народов» с тех пор рассматривалось исследователями как достаточно «противоречивое» произведение, что нашло отражение, в частности, в известной характеристике двойственности теории стоимости и ее меры, «догме Смита», указании на неоднозначную теорию заработной платы, на колебания британского политэконома относительно включения ренты в цену продукта и т.д. Наиболее распространенные обоснования такой точки зрения сводятся к объяснению теоретических противоречий Смита в духе особенностей становления политической экономии, постепенно выделившейся из сложного комплекса философских и правовых учений; в ссылках на компилятивный характер «Богатства народов» (Й. Шумпетер), на восприимчивость Смита к идеям предшественников – У. Петти, Р. Кантильона, физиократов, Д. Юма и других британских философов. Однако непредвзятое прочтение «Богатства народов» показывает, что Смит, вполне вероятно, сознательно использовал принцип альтернативных гипотез, порой, логически не согласованных с ранее выдвинутыми собственными теориями. Это «научное сомнение» основателя политической экономии было впоследствии весьма плодотворным для развития науки и позволило укрепить ее критическую составляющую.

Структура «Теорий прибавочной стоимости» отражает также развитие концепции прибавочной стоимости самого Маркса, как она представлена в первых трех томах его труда. Обращаясь сначала к фундаментальным вопросам теории стоимости, Маркс затем переходит к более специальным концепциям ренты, кризисов, динамики прибыли, применения машин и т.д. Примечательно, что сам Маркс рассматривал рукопись как повторение теоретических частей «Капитала» в исторической форме,

⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»): В 3-х ч.. М., 1954-1961. Это первое научное издание было подготовлено непосредственно по рукописи 1861-1863 гг. сотрудниками Института марксизма-ленинизма В.К. Брушлинским, И.И. Прейсом, В.С. Выгодским и Ф.М. Решетниковым. Не утратило своей научной ценности предисловие издателей к первой части «Теорий». Кроме того, нужно отметить исследования, инициированные подготовкой и выходом рукописи (Брушлинский В., Прейс И. О подготовке научного издания «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркса // Вопросы экономики. 1950 №9; Выгодский В.С. Место теорий прибавочной стоимости в экономическом наследии Карла Маркса. М., 1963).

первоначально намереваясь включить исторические исследования в теоретические отделы.

Далее, следуя методологическому принципу единства исторического и логического, Маркс показал, что экономическое знание *социально обусловлено* – в конечном счете самой социально-экономической реальностью и ее отражением в умах ученых. В работе Маркса выявляются классовые позиции тех или иных экономистов, формирование идеологических представлений и влияние их на соответствующие концепции науки. Общепринято, что Маркс является родоначальником *социологии знания*, центральным положением которой является то, что социальное бытие определяет сознание людей, в том числе и их научные представления. В «Теориях прибавочной стоимости» этот тезис раскрыт на богатом историческом материале⁶. Вульгарных экономистов Маркс упрекает в том, что они ограничиваются исследованием внешней стороны экономических явлений, изучают только форму их проявления, «отчужденную» от сущности производственных отношений. Вульгарные экономисты рассматривают вещные категории как некие готовые элементы процесса производства и обмена, воздействующие на мотивы производителей и отражающиеся в их сознании, и не исследуют собственно характера этих категорий как результата исторического развития. Отсюда возникает и характерный для вульгарной политической экономии товарный фетишизм.

У Маркса же методологическая постановка проблем иная: он ставит вопросы относительно того, почему труд приобретает форму стоимости, средства производства – форму капитала, средства существования рабочих – заработную плату, рост производительности труда – увеличение прибавочной стоимости. Его анализ направлен на действительный процесс образования этих форм. Свой метод Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» противопоставляет аналитическому методу классиков, прежде всего, Рикардо, который, исходя из заданных условий капиталистического хозяйства, старался при помощи логического анализа свести сложные общественные явления к более простым зависимостям в своей теории распределения. Маркс же, исходя из особенностей эволюции капитализма, совершает обратный путь: он объясняет возникновение и характер общественных форм, принимаемых материальным процессом производства, начиная с более простых и переходя на основе диалектического метода ко все более сложным.

Наконец, Маркс сопоставил богатую интеллектуальную историю с историей экономической, показывая последовательное развитие теорий раннего («меркантилистского») капитализма (Дж. Стюарт), полуфеодального (физиократы), мануфактурного

⁶ Особенно здесь нужно отметить критическую двадцатую главу «Разложение рикардианской школы», где Маркс обращается к теориям стоимости и прибыли Р. Торренса, Дж. Милля, Дж. Мак-Куллоха, Дж.С. Милля.

(А. Смит) и затем молодого индустриального капитализма (Д. Рикардо, Дж.С. Милль). Политическая экономия Маркса находится в тесной связи с его теорией истории. Экономическая система находится в процессе постоянного изменения, и в различные исторические периоды это изменение носит неодинаковый характер. Процесс развития и изменения трудовой деятельности включает в себя явления двоякого рода: с одной стороны, изменяются средства производства, технология, развиваются прикладные знания, с другой стороны, в соответствии с этой исторически обусловленной эволюцией производительных сил меняется и совокупность производственных отношений в обществе. Различные экономические системы отличаются разным характером производственных отношений. И отсюда следует методологический вывод Маркса относительно особенностей политической экономии, которая исследует определенную экономическую формацию, а именно товарное капиталистическое хозяйство⁷.

2. Значение историко-экономических идей Маркса для формирования российской математической традиции в экономической науке

Историко-методологические идеи, изложенные в «Теориях» и первых томах «Капитала» легли в основу отечественной математической традиции. Речь идет о теориях рынка и кризисов М.И. Туган-Барановского (1894)⁸, прообразе межотраслевого баланса В.К. Дмитриева (1898, 1904), построенном на основе математической фор-

⁷ Маркс отмечает также следующую особенность теории стоимости в ее исторической эволюции. В письме к Кугельману (1868) он пишет: «История теории, конечно, доказывает, как вы верно указали, что понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только ясным или туманным, спутанным иллюзиями или научно определенным». Цит. по: Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. М.-Л., 1928. С. 103.

⁸ В «Периодических промышленных кризисах», строя теорию рынка на основе Марксовых схем воспроизводства, Туган-Барановский пишет: «После Кенэ никто из экономистов в течение более столетия не делал ни малейшей попытки пойти по его пути и применить к исследованию народнохозяйственных явлений его метод. Именно этим и объясняется неудовлетворительное состояние теории во всех ее отделах, соприкасавшихся с явлениями, захватывающими целое народное хозяйство... И только Маркс опять поднял нить, оборванную после Кенэ, и дал во втором томе «Капитала» схемы капиталистического производства в целом общественного хозяйства. Только на основе этого метода Кенэ и Маркса – метода рассмотрения целого общественного хозяйства – возможен научный анализ процесса накопления капитала и установление законов реализации общественного продукта». (Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997. С. 250). Неудивительно в этой связи, что Ф. Энгельс назвал переоткрытую Марксом «Экономическую таблицу» «загадкой сфинкса» для политэкономов, тем са-

мализации «догмы Смита» и попытке доказательства ее непротиворечивости. Немецкое издание «Теорий прибавочной стоимости» непосредственно повлияло на построения В.И. Борткевича (статьи 1906-1907 гг.)⁹.

Математически конструируя «догму Смита», В.К. Дмитриев в очерке «Теория ценности Рикардо. Опыт точного анализа» предложил способ исчисления полных затрат труда на единицу продукции с учетом межотраслевых связей на основе сведения затрат так называемых «технических» капиталов (потребленного постоянного капитала) к прямым и косвенным затратам труда. Модель представлена в виде системы линейных уравнений (прообраз модели «затраты-выпуск») с определенными коэффициентами капитальных затрат (технологическими или структурными коэффициентами в системе Леонтьева). Помимо такого математического «оправдания» теории стоимости Смита, модель позволила Дмитриеву показать несостоятельность аргументов представителей австрийской школы о том, что при определении издержек производства невозможно устранить капитал, а затем легла в основу более общей теории определения нормы прибыли из технических условий производства без обращения к механизму ценообразования (в литературе эта модель иногда называется «теоремой В.К. Дмитриева»).

Идеи российского экономиста в значительной части были использованы затем В.И. Борткевичем в работах по проблеме трансформации и учеником Борткевича - В. Леонтьевым, который в своей берлинской докторской диссертации «Хозяйство как кругооборот» (1927) показал, что догма Смита не обязательно связана с «историческим регрессом», т.е. с переходом к более ранним периодам производства для исчисления стоимости. Также как у Смита, принцип редукции в системе Леонтьева имеет определенную методологическую задачу, заключающуюся в том, что в каждом конкретном случае он позволяет в известном смысле упростить анализ воспроизводства, если технология неизменна.

В методологической части своей диссертации Леонтьев критикует принцип отграничения науки о хозяйстве от «соседних областей, чтобы разрабатывать свою собственную область». Здесь, правда, ученый ссылается скорее на неокантианцев: «При объективном разделении «хозяйство» должно было бы сжаться до чистой идеи (в соответствии с видом объекта познания у Риккерта), т.е. лишиться всякой объективности, и это было бы неприемлемо для объективного способа разграничения». Этот же принцип Леонтьев распространяет и на критику центрального маржиналистского

мым отметив значение исторических исследований Маркса для развития теории воспроизводства.

⁹ Основываясь на опубликованных главах «Теорий прибавочной стоимости» и математических уравнениях В.К. Дмитриева, Борткевич попытался формально опровергнуть критику Марксом рикардианской теории издержек производства, смешения цен и стоимости.

инструмента анализа – модель экономического человека (или, по его словам, «чистую культуру homo oeconomicus»), признавая ее несостоятельной, как слишком узкую в контексте объективной возможности понимания целей хозяйства.

В духе теории воспроизводства К. Маркса и теории рынка М.И. Туган-Барановского Леонтьев затем строит ряд динамических моделей развития хозяйства, в основе которых лежат локальный рост производительности (накопление капитала и повышение его органического строения), качественные изменения, связанные с появлением новых и исчезновением прежних хозяйственных элементов (у Маркса и Туган-Барановского – технический прогресс, относительное и абсолютное сокращение затрат живого труда, замещение рабочей силы машинами). Основываясь на теории диспропорциональности, Леонтьев показывает маятникообразное движение хозяйства, завершающееся перепроизводством товаров, «ставших непригодными» в системе, т.е. фактически описывает развертывание кризиса перепроизводства по К. Марксу. Затем, переходя к непрерывным изменениям системы, строит модель равного кругооборота, демонстрируя, что хозяйство может развиваться без нарушения равновесия между производством и распределением (этот вывод также может быть сделан на основе воспроизводственных схем Маркса и теории рынка Туган-Барановского).

Среди дальнейших направлений развития математической теории воспроизводства на основе теории Кенэ-Маркса нужно особенно выделить работы В.С. Немчинова. обстоятельный анализ значения метода Кенэ и роли исторического анализа Маркса дал Н.А. Цаголов в статье «Экономическая таблица» Кенэ и ее значение».

Этот небольшой обзор показывает плодотворность критических идей Маркса для развития российской школы, несомненно, родственной также и классической традиции.

3. «Теории прибавочной стоимости» Маркса и «История экономического анализа» Шумпетера¹⁰

«История экономического анализа» - незавершенный труд, начатый Й. Шумпетером еще в 1930-е гг. и опубликованный посмертно в 1954 г. Книга охватывает значительный период интеллектуальной истории - от греко-римской экономической мысли до кейнсианства - в соответствующем контексте развития других общественных наук, а также философии.

¹⁰ В настоящей работе мы не ставим цель предпринять анализ интерпретации теории Маркса Шумпетером. Исчерпывающий ответ Шумпетеру как критику Маркса дан в статье В.Н. Черковца «Й. Шумпетер и марксистская политическая экономия» («Капитал» и экономикс. Вып. 2. М., 2006. С. 393-439).

Влияние исторических исследований Маркса на Шумпетера вполне очевидно. Шумпетер также ищет логику развития экономической науки и строит свою теорию истории.

Основной методологический прием Шумпетера заключается в разграничении экономического анализа как собственно научной области, которая «вырабатывает специализированную технику поиска и интерпретации (анализа) фактов» и истории политической экономии и экономической мысли, основанных на ценностных, иногда «обыденных» суждениях, нормативных принципах, идеологии. Примером такой формы знания у Шумпетера служит трактат А. Смита. «Мы рассматриваем его [«Богатство народов»], поскольку политические принципы и рекомендации Смита: апология свободы торговли и пр. – не более чем поверхностная оболочка его великих достижений в области анализа... Нам интересно не то, *за что* он ратовал, а то, *как* он обосновывал рекомендуемую им политику и какие средства анализа использовал». Анализ и экономическая мысль тесно переплетены, и изучение экономики в этом отношении представляет особую трудность, поскольку «здесь соотношение между обыденным и научным знанием смещено в сторону первого гораздо больше, чем в остальных областях научных исследований».

Экономический анализ Шумпетера включает методы исторического, статистического и абстрактно-теоретического исследования. Он основан также на так называемом «видении», под которым понимается некий преданалитический акт познания, позволяющий выстроить определенный набор взаимосвязанных явлений и представить в целом картину научного поиска. Видение может быть основано на ценностных суждениях и идеологии, однако требования адекватности и логической последовательности позволяют с его помощью получать научные результаты и строить теоретические модели. Таковы общие принципы построения теории истории науки у Шумпетера. Насколько полно они оказались реализованными в его труде?

Если посмотреть на содержание первого тома, который помимо методологического введения содержит часть II «От истоков до первого классического состояния (примерно до 1790 г.)», то анализ здесь, помимо описания античной мысли, концентрируется в основном на произведениях схоластов, «консультантов-администраторов» и «памфлетистов». Большое место уделено подробному описанию ранних рассуждений о деньгах. Анализу же вклада Кенэ, идеи которого в этом ряду в первую очередь можно отнести к «экономическому анализу», отведено всего около 20 страниц (у Маркса, по меньшей мере, втрое больше). Смит же посвящен только один параграф в главе о так называемых «консультантах-администраторах» (в «Теориях прибавочной стоимости» «Богатству народов» уделено четыре главы). Обстоятельность и глубина анализа существенно ниже соответствующих глав «Теорий прибавочной стоимости» Маркса.

В третьей части «С 1790-х по 1870-е гг.», где, казалось бы, можно было ожидать подробное исследование теории стоимости Д. Рикардо – безусловно, первого крупного «чистого» или абстрактного теоретика, можно сказать родоначальника того, что Шумпетер называет «экономическим анализом», английскому классику видного места не находится, его идеи рассеяны по «Общей экономике» и параграфам про Дж.С. Милля (между тем, у Маркса рикардианской теории отведено основное место – 8 глав).

В целом текстологическое и содержательное сопоставление двух трактатов по истории экономической науки показывает существенное различие в понимании роли основных ученых и школ в развитии знания, недостаточное глубокое описание Шумпетером ключевых политэкономических теорий – стоимости и капитала.

4. «Теории прибавочной стоимости» и повышение исторической культуры экономистов

Произведение Маркса, несмотря на то, что оно представляет собой незавершенный труд, должно шире применяться в университетском образовании.

В качестве исторического введения многие главы могут служить основой двухступенчатого курса «Теории общественного богатства», при изучении ряда тем магистерского специального курса «Межотраслевой анализ функционирования экономики», где истории воспроизводственной традиции отводится одно из основных мест, на методологических занятиях с аспирантами.

Интерпретации «Экономической таблицы» Кенэ, воспроизводственных схем Маркса, рикардианской теории распределения и сейчас не прекращаются в западной литературе. В ряде европейских университетов, где сильны неомарксистские и неорикардинские традиции, например, в Университете Гёте во Франкфурте (проф. Б. Шефолд), Университете Пизы (проф. Н. Сальвадори), Университет Граца (проф. Х. Курц) на этом строятся целые курсы для первой и второй ступеней высшего образования. Поскольку эта тематика, как было показано, существенно повлияла и на российскую экономическую традицию, она должна быть более полно представлена в учебных курсах. Исторические работы Маркса ценны тем, что они положили основу целому ряду теорий отечественных экономистов, причем не только марксистов.

Наконец, проблемы социальной и исторической обусловленности экономического знания, соотношение ценностных суждений и «объективного» знания так или иначе необходимы во всех теоретических дисциплинах. Возможна ли свободная от ценностей и идеологических влияний экономическая наука? Этот вопрос активно обсуждался и решался многими учеными по-разному, в частности, в западной литературе – М. Вебером и, например, М. Фридменом, М.И. Туган-Барановским, Е.Е. Слуцким и Н.Д. Кондратьевым в России, однако до сих пор на него нет однозначного ответа. «Теории прибавочной стоимости» дают исходную точку, а также сохранившие свою значимость методы для анализа этой сложной проблемы.